

Мысль и выражение: платонизм Фреге и Витгенштейна

Собанцев А.А.

Цель этой статьи – рассмотреть понятия мысли и ее отношение к понятию выражения на материале работ Г. Фреге, «Мысль: логическое исследование», и Л. Витгенштейна, «Логико-философский трактат».

Для понимания роли мысли и ее выражения в процессе коммуникации необходимо обратиться к вопросу прояснения их функций в языке. Непременным элементом рассмотрения проблемы будет обращение к материалу в истории философии. Это обращение обусловлено историко-философским характером данной работы.

Главной чертой, характерной для современной ситуации в вопросе о значении исторического материала аналитического движения в философии, является проблема пересмотра некоторых идей одного из основоположников этой традиции Готтлоба Фреге. В этой связи актуальной становится ревизия его идей по поводу понятий мысли и сопряженного с ним понятия выражения. Для целей сравнительного анализа также потребуется упоминание концепции раннего Витгенштейна, как представителя логического атомизма (не в строгом смысле) и его взглядов на эти понятия, так как он также оказал значительное влияние на логическое направление аналитической философии.

Фреге относит мысль к тому, что имеет истинностное значение, при этом, для него мысль является смыслом предложения, но с оговоркой, что не каждое предложение имеет смысл [См.: *Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов. М., 2000*]. Мысль представляет собой не объект из материальной сферы, поскольку, по Фреге, все чувственное должно быть исключено из области, к которой применимо понятие истинности; предложение выражает мысль [Там же]. Различение выражения и утверждения мысли касается отнесению первого к установлению мысли через временной контекст, а второго – через вневременной [Там же]. Становится очевидным, что для Фреге именно утверждение мысли находит основание в утверждении логических законов. В этой связи один из современных исследователей аналитической философии Хакер отмечает в своей работе «Витгенштейн: связи и споры»: Предложения (propositions) логики характеризуются абсолютной всеобщностью. Согласно Фреге, они абсолютно всеобщие предложения о вечных отношениях между мыслями (предложениями), выражающими истинностные законы, которые действуют для всего мышления. Таким образом, логические законы описывают отношения между мыслями [См.: *Hacker P. M. S. Wittgenstein: Connections and Controversies, Oxford University Press, 2001*].

Характерно, что именно предложения, то есть предложения в лингвистическом смысле, пропозиции, Хакер использует в качестве синонима для мыслей: именно пропозиция, как теорема (в математическом смысле), как теоретическая основа для высказывания возможного положения дел, наиболее соответствует употреблению термина «мысль» Фреге. Это

связано с тем, что мысль понимается Фреге аналогично идее Платона, как то, что принадлежит «третьему миру». Платонизм Фреге заключается в отнесении мыслей к сфере неменетальных объектов, существующих независимо от сознания. Таким образом, восприятие и выражение мысли становятся проблематичными в силу того, что они совершаются на другом уровне, отличном от уровня их существования. Этот уровень выражения мысли соответствует ее языковому оформлению, которое становится проблемой не столько стилистической, сколько логической, поскольку здесь имеется в виду понятие выражения не только для естественного языка, но и для языка логики.

Выражение мысли касается употребления предложения, в котором данная мысль «имеет место». Согласно другому исследователю и представителю аналитической философии, Даммиту, Фреге утверждал, что структура мысли должна отражаться в структуре предложения, которое выражает ее, и, что эта структура кажется неотъемлемой для понятия *выражения* мысли, а не только ее зашифровыванию [См.: *Dummett M. Origins of Analytical Philosophy*, Cambridge Harvard University Press, 1996, С. 7. Курсив автора]. Мысль может утверждать логический закон, поскольку она имеет место вне времени, как и логический закон. При этом выражение осуществляется не через пропозицию, а именно через предложение. В противоположность выражению, утверждение мысли возможно только через пропозицию. Таким образом, вопрос выражения связан с предложением в лингвистическом смысле, то есть вполне может рассматриваться с точки зрения естественного языка.

Выражение связано с передачей содержания того, к чему относится мысль. То есть, поскольку по Фреге мысль – это смысл предложения, то содержание предложения, его мысль, осуществляет референцию к некоторому объекту, точнее – к референту. Но если учитывать выражение, в котором дана мысль, то ставится вопрос о референции выражения, так как форма, в которой выражена мысль, чаще всего, обладает многозначностью. По Даммиту, необходимо понять, как референт выражения, простой или комплексный, должен определяться, [а это] значит просто понять его смысл. Но чтобы понять это, мы должны считать референт референтом *выражения*: [но] мы не могли считать его референтом смысла до понимания этого частного смысла, или обладания общим понятием смысла [Там же. С. 255].

Вероятно, в рамках понимания термина «мысль» Фреге, эта проблема первичного определения понятия смысла не может быть решена, так как смысл является категорией семантики, и не может быть определен, поскольку вопрос о его дефиниции будет аналогичен вопросу «в чем смысл *смысла*?». Более важным представляется проблема определения восприятия мысли.

Восприятие, – как говорит Даммит, – должно предполагать суждение наличия некоторого положения дел, а не просто обдумывание мысли, что оно имеет место [Там же. С. 273]. То есть суждение как приписывание истинностного значения будет являться показателем того, что воспринимается мысль о наличии некоторого положения дел. Это, в свою очередь, говорит о том, что восприятие – активный процесс, осознание чего-либо. И, очевидно,

восприятие включает в себя понимание. Однако стоит отметить, что это также не восприятие мысли, так как последняя выражена в предложении. Строго говоря, это восприятие выражения мысли о наличии некоторого положения дел.

Открытым остается вопрос о том, как интерпретировать предложения. Смысл предложения зависит от его истолкования, так как воспринимается выражение, а не мысль.

Согласно Даммиту, платонизм по поводу мыслей не решил проблему объективности смысла. Однако он освободил Фреге от поиска описания мыслей в терминах психологических действий, и, тем самым, позволил ему построить первую в истории философии приемлемую теорию того, что составляет содержание мысли, т.е. смысла предложения, и смыслов субсентенциальных выражений различных типов. С другой стороны, он открыл путь в аналитическую философию [Там же. С. 226].

Но по ту сторону дверей в аналитическую философию стоял Людвиг Витгенштейн, вероятно, надеясь, что Фреге уступит ему дорогу. В действительности, как нам видится, они не смогли разойтись в дверях. Суть этого заключалась в том, что Витгенштейн, также как и Фреге, говорил о мысли в терминах, которые описывают некоторый универсум независимых от опыта понятий. Хакер пишет, что для Витгенштейна пропозиция или мысль является логической картиной, простые составные части которой, наделяют неизменные объекты определенной формой. Это метафизическая гармония между языком и мыслью с одной стороны, и реальностью, – с другой [См.: *Hacker P. M. S., Wittgenstein: Connections and Controversies*, Oxford University Press, 2001. С. 9].

Такие высказывания характерны и в более поздний период, чем тот, который характеризует «Логико-философский трактат». Так, например, в лекциях от 1930-32 гг. он говорит: «Мысль – это символический процесс, и он длится так же долго, как и его выражение... а мышление – это интерпретация схемы» [Цит. по: Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. Переводы с английского, составление и послесловие В. П. Руднева. М., 1993. С. 283]. Здесь интересны обе части этого высказывания. Вторая касается представления Витгенштейна о том, что мысль – это логическая картина факта, которое происходит от ранней позиции. Первая – того, что не было главным интересом для него, – выражения мысли. Очевидно, что здесь идет речь о выражении как формулировании, а не о различии предложения и пропозиции для выражения содержания.

Тем не менее, положение, что мысль выражается знаком-предложением (*propositional sign*), обусловлено общим замыслом: показать мир, структурированный логически. Выделение общей формы предложения (пропозиции) становится нахождением инструмента для анализа предложений как пропозиций. Но естественный язык, в котором нет последних, а существуют только предложения, которые выражают мысль, и, только некоторые имеют такую же форму, как и пропозиции, не дает возможности применить ее ко всем предложениям. Становится очевидным, что знак-предложение Витгенштейна можно также отнести к «третьему миру» мыслей

Фреге. Однако платонизм Витгенштейна отличен от платонизма Фреге: знак-предложение как выражение мысли является, по Витгенштейну, логическим термином, который имеет черты сходства с предложением естественного языка настолько, насколько последний причастен к идеальному языку с точки зрения логики.

Таким образом, понятия восприятия мысли и ее выражения относятся к разным уровням понимания: с одной стороны воспринимается смысл, то есть содержание мысли, референт, а с другой стороны – выражение мысли в предложении естественного языка. Для Витгенштейна, как и для Фреге стоял вопрос о создании совершенного языка и сферы, в которую можно было бы поместить семантику этого языка. Однако из неудачи попыток создать подобные семантические понятия можно сделать вывод о том, что важным остается решение задач выражения смыслов предложений языка, как естественного, так и логического. Основные направления возможных решений этих задач остаются в сфере доступной для анализа, а именно, в пределах понятий восприятия как понимания и выражения как формулирования мысли.